

Предеина М.Ю.

Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского

ЗА КУЛИСАМИ «ФЕНОМЕНОЛОГИИ ДУХА»: К ГЕНЕЗИСУ ПОНЯТИЙ ENTÄUSSERUNG И ENTFREMDUNG (ЗАМЕТКИ О ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ)

Гегелеведение немалое значение придаёт проблеме разграничения Entäußerung и Entfremdung. Не в последнюю очередь это обусловлено тем, что в центральной работе «молодого» Маркса эти понятия (слова?) даны через запятую и даны, судя по всему, в полемике с Гегелем. Советский философ Э.В. Ильенков, блестящий специалист «по Гегелю», предлагает их разграничение как овнешнение (Entäußerung) и отчуждение (Entfremdung). Задачей данной статьи является развернуть генезис означенных понятий внутри исторического процесса, или, другими словами, – развернуть исторический процесс, внутри которого вызревали эти понятия. Поэтому предметом исследования становится не текст «Феноменологии духа», а то, что располагается за его пределами: события Французской революции, речи депутатов Конвента, переписка Гегеля с друзьями. Сопоставление больших исторических событий с этими документами «повседневности» не является надуманным, поскольку, хотя переписка докторов философии не влияла на французскую политику, французская политика находила живейшее выражение в их переписке, способствуя формированию языка отнюдь не только философского, на котором, так или иначе, мы сегодня думаем. В этом качестве Гегель (отчасти через Маркса) ещё повлияет на политику, правда, уже, скорее, русскую.

Ключевые слова: Entäußerung (овнешнение), Entfremdung (отчуждение), bourgeois (буржуа), citoyen (гражданин), публичное, частное, Французская революция, Гегель.

Постановка проблемы. Тот, кому случалось иметь дело с философией Гегеля, не мог не заметить двух немецких слов: Entäußerung и Entfremdung. Первое переводится непривычно для нашего уха как овнешнение, второе, более привычно, – отчуждение. Стоит ли говорить, что отчуждение обязано своей привычностью Марксу? Но предмет этой статьи не слова, а то, что в них облекается, в данном случае – история, если точнее – история Великой Французской революции. Именно она примеряет разные маски (разные слова) на сцене гегелевской «Феноменологии духа».

«Феноменология духа» – произведение этапное для Гегеля. Лукач, например, завершает своего «Молодого Гегеля...» именно «Феноменологией духа». Любопытно указать границы Гегелевской «молодости»: 1792-й (начало работы над «Народной религией и христианством») – 1807-й (выход в свет «Феноменологии духа»). Это не просто «молодость» Гегеля, это – время Французской революции: 1792-й – основание Республики, 1807-й – год, следующий за битвой при Йене.

Изложение основного материала. Эти события следует постоянно держать в голове, не ожи-

дая, что автор услужливо напомнит о них. Что имеет в виду Гегель, когда между 1795-м и 1796-м пишет: «Где наши Гармонии и Аристогитоны, освободители страны, кому мы могли бы петь наши сколии?» [1, с. 177]. Только ли славное прошлое Афин? Чтение Гегеля, а равно литературы о Гегеле, например, того же Лукача, – это всегда чтение с «двойным дном»: Афины – не совсем Афины, Термидор (это уже у Лукача) – не совсем тот Термидор. Один слой времени наслаивается на другой; и каждый автор говорит не только то, что говорит, но ещё *что-то*.

Как Гегель относился к якобинцам? Плохо; но почему? На этот вопрос не так просто ответить. Известно письмо Гегеля к Шеллингу, написанное в ночь перед рождеством 1794-го: «Что Каррье гильотинирован, вы, наверное, уже знаете. Читаете ли вы ещё французские газеты? Если мне не изменяет память, мне сказали, что в Вюртемберге они запрещены. Этот судебный процесс очень знаменателен и разоблачил всю гнусность сторонников Робеспьера» [2, с. 214]. Замечу мимоходом: в Вюртемберге французские газеты запрещены, это объясняет, почему приходится прибегать к

эзопову мові. Чи в чьому саме була «гнобування сторонників Робесп'єра»? Чи в якій мірі не бажаючи приписувати щось Гегелю, не можна не зауважити, що «гнобування сторонників Робесп'єра» можна розуміти по-різному: Термидор цілком міг бути зрозумілим *тоді* як відновлення революції в її правах. Справді, так освіщали цей питання французькі газети. Ми звикли в суперечці Горі та Жиронди тримати сторону Горі та в певній мірі ідеалізувати Робесп'єра; німці, не беручи участі в нашій школі, могли думати інакше. Гельдерлін 13-го липня 1793-го пише брату: «Величально жалю Бриссо. Добрий патріот тепер, повинно бути, падає жертвою своїх низьких ворогів» [5, с. 311]. Звичайно, Гегель та Гельдерлін розійдуться в оцінках, але Наполеона. Чому Бриссо? На це косвенно відповідає Гегель в ще одному листі до Шеллінгу: заводячи мову про Гельдерліна, він зауважує, що його, Гельдерліна, інтерес до космополітичних ідей усе час розростається [3, с. 220]. Для освіченого німця тих років страждання мрія про свободу злилася з розумінням неможливості досягти її своїми силами, приходилося сподіватися на французів. Не зря промовляємо космополітизм в революційному Парижі був прусський барон *Анахарсис Клоотс*; але якщо Клоотс був все ж, скоріше, романтиком, то Бриссо – політиком «з вагою», і політиком, виступавшим за «пропагандистську» війну, т. є. війну за поширення прав людини в Європі. К слову, Бриссо був членом «Товариства друзів чорношкірих» і не користувався пудрою, в відміння від Робесп'єра.

Сказанного, як мінімум, достатньо для того, щоб не ставити знак рівності між відкиданням «гнобування сторонників Робесп'єра» та визнанням «прекрасної» *Ancien Regime*. (Само собою, питання «Хто краще: Гора чи Жиронда?» мною тут не розглядається; мені цікаво зрозуміти, чому такою запальним поетом, як Гельдерлін, був не за Гору.)

I.

У Франції народився новий режим, одні інституції з неймовірною швидкістю змінювалися іншими; для того, хто хотів побачити, це була чудова школа мислі, політичної і не тільки.

Вернемося до *Entäußerung / Entfremdung*; ставлячи тут риску, я підкреслюю їх відміння: зовнішнє, закріплення діяльності в зовнішньому – це не завжди відчуження, то є не завжди перетворення цього зовнішнього в щось чуже. Але при певних умовах (при яких?) зовнішнє може перейти в відчуження. Раніше ніж Марк

покаже перехід одного в друге на продукті праці, він, цей перехід, виявить себе в чьому-то значно більш публічному. Чи про нього йде мова в дискусіях вересня 1792-го про представницький образ правління, – каже Барбару, теж, крім того, жирондист, – він би був дурний, якщо б він продовжував санкціонувати це хибне становище, що народ не може більш здійснювати повноважень, переданих йому своїми представниками». (Король теж був *представителем*, згідно «спільному договору», йому були *передані* повноваження, але передані так, що народ їх втрачав, то є повноваження, переходячи до короля, *відчуждалися* від народу). «Необхідно, щоб все повернулося в кінці кінців до народу так само, як все виходить від нього; необхідно, щоб його верховна влада залишалася неперестанно діяльною» [9, с. 316], – продовжував Барбару.

«... залишалася неперестанно діяльною» – діяльність не гине в результаті, навпаки, отриманий результат збагачує діяча, каже по-гегельянськи, збагачує його суб'єктивність знанням справи і спонукає діяти далі і краще за попереднього, то є з отриманим знанням справи.

На зростаючій лінії Французької революції французький народ залишався неперестанно діяльним, він, з однієї сторони, постійно здійснював тиск на вже створені інституції (на те ж Законодавче Зібрання), з іншої – винаходив нові інституції (напр., народні клуби) і через них постійно продукував двоєвластє. Хоча діяльність його закріплювалася в чьому-то зовнішньому, в інституціях, її неперервність не дозволяла інституціям перетворюватися в щось мертвоє, в мертву механіку. Це навіть не залежало від моральних якостей окремих осіб, особи були неважливі, час претний до насмішки Наполеона ще не прийшов. Увечері 10-го серпня 1792-го, дня безповоротного низложення Людовика XVI, президент Законодавчого Зібрання Верньо казав королю: «Ви можете рахуватися, государю, на твердість Національного зібрання; його члени поклялися умерити, підтримуючи права народу і *установлених властей*» [9, с. 265]. Верньо не відзначався в той момент рішучістю і скоріше був схильний підтримувати статус-кво, ніж його змінювати. Але ввечері Зібрання утворило новий порядок речей – без короля.

Новий порядок народжується під тиском Паризької комуну та федеративів (отрядів волон-

теров, отправленных провинциями на помощь Парижу). Так, одна из секций Парижской коммуны, секция Приюта для слепых, 4-го августа предупредила Собрание: «Если 9 августа к 11 часам вечера Законодательное собрание не удовлетворит законных требований народа (о низложении короля – М. П.), то в полночь того же дня ударит набат, барабаны забьют тревогу, и всё поднимется сразу» [9, с. 260].

II.

Карл Маркс, говоря о Французской революции, отмечал, что в момент наивысшего напряжения политическая жизнь стремится подавить свои предпосылки, гражданское общество [6, с. 393]. На языке тех лет, сохранившемся, впрочем, сегодня у Хабермаса, гражданское общество означало общество частных собственников, буржуа, или: *bourgeois*. А то, что политическая жизнь стремится подавить свои предпосылки, то, что в момент наивысшего напряжения на политическую сцену выходит гражданин, обозначаемый у Маркса французским *citoyen* – в этот момент наивысшего напряжения отношения собственности как бы отменяются, становятся временно недействительными, де-факто не действующими. Именно в этот момент рождается видимость возрождённых Афин и Рима.

Граждане, низложившие короля, граждане, идущие на войну, граждане, которых французский оратор уже привык облекать в римскую тогу, получают эту тогу и от немецкого философа, или, если точнее, немецкий философ вдохновенно пишет о греках, настолько вдохновенно, что греки уже кажутся французами. Греки, перечисляет Гегель, были свободными, послушествовали законам, которые сами себе дали, и людям, которых сами себе избрали, вели войны, задуманные ими самими, и в них, в этих войнах, отдавали жизнь во имя понятных им целей [1, с. 186]. И т. д. и т. п. Если Гегель бернского периода (1793–1796 гг.), как пишет Лукач, ещё видит в античном полисе непреходящий «образец обновления общества и государства» [8, с. 49], то это потому, что этот полис почти что актуально существует в революционной Франции. И если «закат общества свободы и величия человека» [8, с. 54] связан для Гегеля с утверждением эгоистического «частного человека», то это потому, что своекорыстие парижского буржуа грозит потеснить на сцене доблестного французского гражданина.

Как видим, Гегель движется вместе с Французской революцией, разделяя её иллюзии и вместе с тем подготавливая столь важное позднее *понятийное* разделение гражданина и буржуа.

III.

Конвент, правопреемник Собрания, не спешит упразднить «частного человека». Маркс, кстати, говорит о «частном человеке» как *предпосылке* Французской революции *post festum*, в 1792-м ещё неясно, *кто* – предпосылка, да даже не разумнее ли предположить в качестве предпосылки гражданина, т. е. человека публичного? Но... Попробую показать, как разделение *bourgeois* и *citoyen* даёт себя знать в самом, тогда ещё живом, процессе революции, не «после праздника», а на празднике.

Конвент открылся 20 сентября 1792-го, и уже 21-го числа по предложению Дантона вотировал закон о *защите* частной собственности. Дантон говорил: «Отречемся здесь от всяких преувеличений; объявим, что всякая земельная, личная и промышленная собственность будет всегда поддержана» [9, с. 330]. Через полгода эта поддержка получит весомое подкрепление: 18-го марта 1793-го Конвент по предложению Барера [9, с. 505] вотирует декрет, который среди прочего установит смертную казнь за пропаганду уравнительного раздела земли, или «аграрного закона». Это – одна сторона.

А вот другая. 18 апреля 1793-го члены Парижской коммуны придут к решетке Конвента с петицией, в которой *поставят под сомнение* право частной собственности: «Пусть нам не возражают ссылкой на право собственности. Право собственности не может быть правом доводить до голода своих сограждан. Плоды земли, так же как и воздух, принадлежат всем людям» [9, с. 527], – будет сказано в петиции, написанной, замечу, через месяц после того, как подобные фразы были решительно запрещены. Коммуна по предложению Шометта объявит себя на «революционном положении» и вынудит Конвент уступить – ввести максимум цен.

Почему Конвент уступает? Очевидная причина – организация парижан в Коммуну, то самое двоевластие. Но есть ещё кое-что: в момент наивысшего напряжения предпосылкой *действительно* является гражданин. Другими словами, иллюзия, о которой позднее напишет Маркс, – почти что действительность: парижские бедняки на самом деле берут Бастилию, низлагают короля, защищают Францию. (Иллюзия для того, чтобы быть иллюзией, тоже нуждается в основаниях, во вполне реальных и неиллюзорных).

Не только Гегель думал, что эгоистический, «частный человек» не помощник республике – в публицистике того времени признаки гражданина постепенно начинают означать пролетария.

Именно пролетария, определение которого приобретает новые, не римские смыслы.

Камилл Демулен в конце 1789-го в связи с избирательным цензом говорил: «А что касается вас, о, презренные жрецы! о, тупые бонзы! разве вы не видите, что ваш бог не имел бы права быть избранным? Вы причислили к отверженным общества того Иисуса Христа, которого вы провозглашаете богом с церковных кафедр и с трибуны! И вы хотите, чтобы я уважал вас, священников *бога-пролетария*, который бы не был даже активным гражданином! Имейте же уважение к бедности, которую он облагородил». Очевидно, здесь «пролетарий» употреблено ещё в старом, римском смысле: бедняк, скорее – объект подаяния, чем гражданин. Но в следующем предложении смыслы меняются: «Но что хотите вы сказать этим беспрестанно повторяемым словом «активный гражданин»? Активные граждане – это те, кто взяли Бастилию и которые обрабатывают поля, меж тем как праздные тунеядцы – среди духовенства и двора...» [9, с. 96]. Римские смыслы уже не отвечают французской действительности, уже у Демулена гражданин расщепляется, пока на «презренных жрецов» (служителей культа) и пролетариев, но не повисает ли уже здесь гражданин в воздухе? Гражданин, как позднее скажет Маркс, – «небесная всеобщность» [6, с. 390].

IV.

Пролетарий становится гражданином (активным гражданином) не благодаря, а вопреки собственности (цензу), он берёт право гражданина действием, и это действие, по определению, не может быть частным. Пролетарий может существовать как гражданин только в тот самый момент наивысшего напряжения, момент общего дела, когда отношения собственности приостанавливаются, и все вещи становятся *res publica*. Для того чтобы предпосылкой буржуазной республики (но не *res publica*, опять неувязка с римскими смыслами: частное общее дело, частная общая вещь) выявился буржуа, т. е. частный человек, должно наступить нормальное состояние, когда частное важнее общего и когда пролетарий перестаёт быть человеком публичным в мире публичных дел и публичных вещей. Здесь, кстати, становится понятен политический смысл и братских обществ, вроде «Братского союза плотников», и братских ужинов в секциях Парижа: парижский пролетарий через эти формы сопротивлялся приданию своему труду и своему потреблению частного характера. (Хотя, безусловно, нельзя забывать и о другой стороне: даже Комитет общественного спасения, «терро-

ристы», противился созданию рабочих коалиций, то есть тех самых «братских союзов», призванных регулировать условия найма в интересах рабочих).

9-е термидора II-го года (27-е июля 1794-го) считается переломным моментом Французской революции. Но, пожалуй, уместнее говорить о том, что 9-го термидора нашла своё выражение уже наметившаяся тенденция. Читатель может быть удивлён тем, что, с одной стороны, газеты того времени сообщали о восстановлении революции в её правах, а с другой – парижане чуть ли не впервые проявляли странное равнодушие. Термидор начинается до Термидора.

Как я уже имела случай заметить, интерес к Термидору – это интерес «с двойным дном», в нём всегда есть что-то ещё. Раковский, по понятным причинам весьма заинтересованный в изучении генезиса Термидора, писал в 1928-м Валентину: «*Политическая реакция, начавшаяся ещё до Термидора, заключается в том, что формально и фактически власть начинает переходить в руки постепенно уменьшающегося числа граждан. Народные массы постепенно, сначала фактически, а потом и формально, устраняются из управления страной*» [10].

Процесс, который Раковский называет функциональной дифференциацией, был описан по горячим следам Гегелем, как водится, в форме античных изысканий: греки и римляне времён Империи более не послушествовали законам, которые сами себе дали, и людям, которых сами себе избрали, не вели войн, которые сами задумали, они более не обзревали целое как своё общее дело, и даже если они ещё занимались делами государства, то как шестёрнки (именно это слово использует Гегель), более озабоченные заработком, чем тем, чтобы знать, как и для чего работает государственная машина [1, с. 188]. Ни у кого более не было ни общих целей, ни общих дел, единственное, что у этих людей было своим, – это имущество и, разумеется, это имущество было не общее, а частное. *Res publica*: общественных вещей (дел) более не было.

V.

Перелом в сторону нормализации, т. е. восстановления частной жизни в её правах, следствием чего и стал Термидор, произошёл в вантозе II-го года (марте 1794-го), когда Парижская коммуна и Клуб кордельеров снова объявили себя на «революционном положении», но на этот раз проиграли Конвенту.

Их проигрыш имел институциональные последствия: освободившиеся вследствие гильотинирования Шометта и Эбера должности в

Парижской коммуне были замещены не путём выборов (как раньше), а путём назначения, осуществлённого Комитетом общественного спасения. Парижская коммуна, по выражению французского историка Альфонса Олара, чьей подборкой цитат из газет и речей того времени я до сих пор пользовалась, превратилась в «простой придаток центрального правительства» [9, с. 562].

Её гибель разделил Клуб кордельеров, или Общество прав человека и гражданина. В первые годы революции этот Клуб занимал последовательно антибуржуазную позицию и допускал в свои ряды, в том числе к участию в прениях, т. н. пассивных граждан и, вероятно, женщин. Другими словами, Клуб был тем пространством, где пролетарий мог говорить и действовать в качестве публичного человека.

В Клубе обсуждали и принимали решения, Коммуна решения осуществляла, при необходимости оказывая давление на Конвент. Тот механизм, то своеобразное сцепление «ряда зубчатых колёс», в процессе вращения которых всё исходило от народа затем, чтобы вернуться к нему (как говорил Барбару), действовал и своим непрерывным действием противился отчуждению. Вообще этот момент, когда всё исходило от чего-то и потом вновь возвращалось к нему, чтобы действовать, давал результат, но избегал объективации как отчуждения, мёртвой объективации, был всегдашней заботой еретиков от теологии, но с тех пор, как бог стал народом, это стало проблемой еретиков от политики. В этом странном переплетении теологических, Бёме, и политических, «бешеные», ересей формировалась та философия, на языке которой мы, так или иначе, сегодня думаем (речь идёт не только о Гегеле).

Если Клуб кордельеров был уничтожен, то Якобинский клуб, с множеством секций в провинциях, при деятельном участии Робеспьера стал его относительно послушным орудием, или исполнительным органом Комитета общественного спасения. Это был, скорее, государственный орган, чем орган самодеятельных граждан. Хотя не все граждане (судя по всему, пролетарии) понимали это; уже упомянутый Альфонс Олар приводит множество фактов того, как члены провинциальных секций Якобинского клуба в меру своих сил проводили тот самый пресловутый «аграрный закон». Пролетарии, обретя в секции Якобинского клуба форму организации публичности, себя в качестве публичных людей, делали всё возможное для разрушения частного, иногда встречая деятельную поддержку не всегда сообразовавшихся с

центральным курсом эmissаров Конвента, напр. Жанбона Сент-Андре.

Эти вольности объясняют, почему после 9-го термидора судьба секций Якобинского клуба была предрешена. Одно то, что клубы, так или иначе, образовывали пространство общения граждан, делало их опасными. В сущности, их судьба была предрешена ещё до Термидора: «Сила народных клубов была так велика, – пишет А. Олар, – что правительство начало страшиться их в тот самый момент, когда стало опираться на них» [9, с. 127].

VI.

Если Гегель, в конце концов, признаёт Античность прекрасной, но навсегда ушедшей эпохой, то это потому, что на французской сцене все главные роли отошли буржуа. По совету стоических мудрецов, не будучи в силах изменить действительность, Гегель меняет своё отношение к ней: он признаёт «частного человека», а вместе с ним... Конечно, Гегель думает, что *Entfremdung*'а можно избежать и что благоустроенное государство его избегает, но, по сути, не создаёт ли он апофеоз этого самого *Entfremdung*'а, когда воспекает самое законченное отчуждение всех гражданских прав и обязанностей в одном человеке, в Наполеоне?

«Самого императора – эту мировую душу – я увидел, когда он выезжал на коне на рекогносцировку, – пишет Гегель своему другу Нитхаммеру в день взятия Йены. – Поистине испытываешь удивительное чувство, созерцая такую личность, которая, находясь здесь, в этом месте, восседая на коне, охватывает весь мир и властвует над ним» [4, с. 255].

Здесь уместно, по примеру Фейербаха, рассуждавшего о боге, спросить: для того чтобы Наполеон стал всем, не должны ли все прочие стать ничем? За десять лет до этого письма, писанного 13-го октября 1806-го, в день взятия Йены, Гегель гораздо трезвее описывал принцип императорской власти в Риме (см. «Позитивность христианской религии»). Он понимал, что император становится возможен там, где исчезает публичный человек: с одной стороны, множество «частных людей», с другой, – император. Вольно или невольно тогдашний Гегель, если принять аналогию между Античностью и Францией, увидел логику движения Французской революции: начавшийся процесс вытеснения публичного человека (гражданина, пролетария) частным (буржуа), в котором 9-ое термидора было одной из вех, должен был закончиться Императором. (Любопытно,

нельзя ли о французской буржуазии 1789-го и последующих лет сказать то, что Маркс говорит о ней в «18-м брюмера Луи Бонапарта» [7, с. 161], а именно то, что она была готова обменять блага «частной жизни» на политическое ничтожество?»).

Выводы. Можно было бы закончить одним анекдотом, зафиксированным полицией и рассказанным по полицейскому отчёту Альфонсом Оларом. Этот анекдот показывает совпадение Гегеля с одной парижской то ли работницей, то ли торговкой, правда, Гегель, в отличие от парижанки, лишён чувства иронии. Когда читали конститу-

цию, устанавливающую консулат, в толпе женщин возникла давка. «Я ничего не разобрала», – возмутилась одна. – «А я не проронила ни одного слова», – ответила другая. – «Ну что же там сказано?» – «Что у нас есть Бонапарт» [9, с. 865].

Но это было бы несправедливо по отношению к философу. Гегель оставил следующим поколениям философов проблему превращения Entäußerung'a в Entfremdung, а тем, кто не довольствуется стоической философией, – проблему исключения такого превращения в текущей и будущей практике.

Список литературы:

1. Гегель Г. В. Ф. Позитивность христианской религии // Работы разных лет: в 2-х томах. Т. 1. М.: Мысль, 1970. С. 87–207.
2. Гегель Г. В. Ф. Гегель – Шеллингу, в ночь перед рождеством 1794 г. // Работы разных лет: в 2-х томах. Т. 2. М.: Мысль, 1971. С. 213–215.
3. Гегель Г. В. Ф. Гегель – Шеллингу, конец января 1795 г. // Работы разных лет: в 2-х томах. Т. 2. М.: Мысль, 1971. С. 217–220.
4. Гегель Г. В. Ф. Гегель – Нитхаммеру, 13 октября 1806 г. // Работы разных лет: в 2-х томах. Т. 2. М.: Мысль, 1971. С. 254–256.
5. Гёльдерлин Ф. Гёльдерлин – Брату, 13 июля 1793 г. // Гиперион. Стихи. Письма. М.: Наука, 1988. С. 311.
6. Маркс К. К еврейскому вопросу / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. Издание второе. Т. 1. М.: Политиздат, 1955. С. 382–413.
7. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. Издание второе. Т. 8. М.: Политиздат, 1957. С. 115–217.
8. Лукач Д. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. М.: Наука, 1987. 616 с.
9. Олар А. Политическая история Французской революции. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1938. 979 с.
10. Раковский Х. Г. Раковский – Валентинову, 6 августа 1928 г. URL: scepsis.net/library/id_480.html.

ЗА ЛАШТУНКАМИ «ФЕНОМЕНОЛОГІЇ ДУХА»: ДО ГЕНЕЗИСУ ПОНЯТЬ ENTÄUSSERUNG I ENTFREMDUNG (НОТАТКИ ДО ВЕЛИКОЇ ФРАНЦУЗЬКОЇ РЕВОЛЮЦІЇ)

Науковці, що займаються творчістю Гегеля, надають немале значення проблемі відокремлення понять *Entäußerung* і *Entfremdung*. Що зумовлено, не в останню чергу, тим, що в центральній роботі «молодого» Маркса ці поняття (слова?) дані через кому і дані, як можна зрозуміти, в полеміці з Гегелем. Радянський філософ Е.В. Ільєнков, відомий фахівець з питань філософії Гегеля та Маркса, запропонував відокремлення цих понять як опредмечення (*Entäußerung*) та відчуження (*Entfremdung*). Завданням даної статті є дослідження генезису зазначених понять усередині історичного процесу, іншими словами, дослідження історичного процесу, всередині якого формулювалися ці поняття. Тому предметом дослідження стає не текст «Феноменології духа», а те, що знаходиться за його межами: події Французької революції, виступи депутатів Конвенту, листування Гегеля з друзями. Зіставлення великих історичних подій із цими документами «повсякденності» не є надуманим, оскільки, хоча листування докторів філософії не впливало на французьку політику, але французька політика знаходила живі відгуки в їх листуванні, під час якого вироблялася та мова (ї не лише філософська), якою ми сьогодні, так чи інакше, думаємо. Чи варто говорити, що Гегель (зокрема, через Маркса) ще вплине на політику, хоча, скоріше, й російську?

Ключові слова: *Entäußerung* (опредмечення), *Entfremdung* (відчуження), *bourgeois* (буржуа), *citoyen* (громадянин), публічне, приватне, Велика Французька революція, Гегель.

**BEHIND THE SCENES OF THE “PHENOMENAL OF THE SPIRIT”:
TO THE GENESIS OF CONCEPTS ENTÄUSSERUNG AND ENTFREMDUNG
(NOTES ON THE GREAT FRENCH REVOLUTION)**

Scientists who study Hegel’s philosophy attach great importance to the delineation of concepts Entäußerung and Entfremdung. This is largely due to the fact that in the central work of the “young” Marx these concepts (words?) are given separated by commas and are given, obviously, in a controversy with Hegel. The Soviet philosopher E V. Ilyenkov, a good specialist in the philosophy of Hegel and Marx, proposed to delimit these concepts as objectification (Entäußerung) and alienation (Entfremdung). The objective of this article is to study the genesis of these concepts within the historical process, in other words, the study of the historical process within which these concepts were formed. Therefore, the subject of the study is not the text of the “Phenomenology of the Spirit”, but what is outside of it: events of the French Revolution, speeches of the Convent deputies, Hegel’s correspondence with friends. Comparison of big historical events with these documents of everyday life is not invented: although the correspondence of PhDs did not affect French politics, French politics found a vivid expression in their correspondence. And in this correspondence, in turn, formed that philosophical and political language in which we think today.

Key words: *Entäußerung (objectification), Entfremdung (alienation), bourgeois, citoyen (citizen), public, private, The French Revolution, Hegel.*